

лорные трактовки одних и тех же событий могут быть диаметрально противоположными. Узнаваемыми образами башкирского народного творчества стали В. А. Перовский, С. Т. Циолковский,³⁵ А. Давлетшин и некоторые другие сослуживцы и знакомые Даля. Это подметил и сам писатель, поместивший в рассказе «Обмирание» цитату-перевод песни башкир-плотогонов и связанное с ней размышление о судьбах провинциальных начальников. Эти рефлекслируемые в произведениях писателя и устного народного творчестве башкир образы современников и сослуживцев Даля и представляют собой третий слой интертекста, общего для башкирской и русской культур.

Необходимо отметить, что Даль не был первым русским и — шире — славянским автором, обратившимся в своем литературном творчестве к башкирской тематике, не был он и первым переводчиком, интерпретатором башкирского фольклора на русском языке. Однако в научном дискурсе предшествующего периода Башкирия представала новой малоизвестной территорией, освоение которой — хозяйственное и культурное — было делом будущего. В стихах и прозе Т. С. Беляева, П. М. Кудряшова, Т. К. Зана она выступает в качестве романтического другого мира, интересного своей экзотичностью и инаковостью по отношению к остальной России. Заслуга Даля в становлении и развитии русско-башкирского межкультурного и межъязыкового диалога заключается в том, что он был одним из первых писателей и исследователей, поставивших литературное творчество этнографической тематики на строгую научно-документальную основу. Его «этнографические» рассказы и повести лишены романтической идеализации инонационального образа жизни, использования его в качестве абстрактного фона для действия, противопоставления «человека естественного» и «человека цивилизованного», а также враждебного отношения к мусульманской религии. Именно глубокое знание описываемого предмета позволило Далю создать ряд произведений, пронизанных взаимосвязями с текстами как русской, так и башкирской культуры.

³⁵ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 248–249 (на башкирском языке).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-51-59

© Н. В. Калинина

К ВОПРОСУ ОБ АДРЕСАЦИИ ОЧЕРКА И. А. ГОНЧАРОВА «НАМЕРЕНИЯ, ЗАДАЧИ И ИДЕИ РОМАНА „ОБРЫВ“»

В начале 1895 года в журнале «Русское обозрение» были напечатаны заметки И. А. Гончарова о романе «Обрыв»,¹ впоследствии вошедшие в основной корпус текстов писателя под данным им при первой публикации названием «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“». Такому развитию событий немало способствовало включение заметок Гончарова в книгу «И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма»,² подготовленную А. П. Рыбасовым, который воспроизвел печатный источник. ЭDITIONНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПЕРЕИЗДАНИЯ ТЕКСТА В СОСТАВЕ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ГОНЧАРОВА 1950-х годов также не предполагали обращения к автографу произведения.³ Первая сверка с рукописью⁴ была предпринята при подготовке текста

¹ Русское обозрение. 1895. № 1. С. 7–18.

² Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 132–144.

³ См.: Гончаров И. А. 1) Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. Г. Цейтлина. М.: Правда, 1952. Т. 8. С. 124–134; 2) Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. П. Рыбасова. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 208–220.

⁴ Автограф — беловой, без названия, с двойной авторской пагинацией (РГАЛИ. Ф. 135 (Архив И. А. Гончарова). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. А, В, С (вторая авторская пагинация: 1–6, архивная: 1–6 об.)); атрибутируется в соответствии с указанием авторства и даты в письме И. А. Гончарова

для собрания сочинений под редакцией С. И. Машинского.⁵ Поправки и дополнения, внесенные Е. А. Краснощековой, много способствовали выявлению погрешностей журнальной публикации. Тем не менее некоторое количество пропусков и неточных прочтений рукописи осталось неисправленным. До последнего времени не была установлена личность первого публикатора произведения Гончарова, так как механическое воспроизведение подписи «Княгиня М. Волконская» (выставленной после предисловия «От издательницы»⁶) не внесло ни малейшей ясности в этот вопрос. При определении главного адресата, которому предназначалось послание романиста, мнения исследователей разделились.

При подготовке очерка «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» для Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова⁷ был обнаружен документальный источник, благодаря которому можно утверждать, что произведение опубликовано Марией Васильевной Волконской.⁸ Немаловажный для истории текста Гончарова факт устанавливается по ее письму к редактору «Русского обозрения» А. А. Александрову от 16 июня 1894 года: «Милостивый Государь Анатолий Александрович! 11-го я получила Вашу ответную телеграмму на мою из Ц<арского> Села, но рукопись Гончарова я Вам еще не выслала, т. к. из депеши Вашей, верно, перепутанной на телеграфе, неясно, желает ли редакция „Русского обозрения“ приобрести записку покойного Ивана Александровича на предложенных мною условиях. Если это так, будьте любезны, известите меня, обозначив размер гонорара, тогда я немедленно перешлю Вам оригинал. Примите, Милостивый Государь, уверение в моем уважении, кн<ягиня> М. Волконская. Друскеники (Гродненская губ<ерния>). 16 июня <18>94 г. Адрес мой: Друскеники: дача Буяковского. Кн<ягиня> Мария Васильевна Волконская».⁹ То есть на этапе переговоров с редакцией у произведения Гончарова не было названия и его жанр обозначался как «записка».

Публикация очерка сопровождалась письмом Гончарова в Одессу, датированным 5 (17) июля, с купюрой в обращении к адресату. Причина сокрытия имени оговаривалась в предисловии: «Рукопись досталась мне от старого друга моего, к которому написано Ив<аном> Ал<ександровичем> ниже помещаемое письмо, но который не желает, чтоб имя его было упомянуто в печати».¹⁰ Из опубликованного письма следовало, что адресат Гончарова должен был доставить рукопись «замечаний моих об „Обрыве“»¹¹ в Ливадию, служившую летней резиденцией императорской семье.

Посредник для передачи манускрипта «высокой особе, покровительствовавшей даровитому писателю»,¹² был установлен А. Д. Алексеевым.¹³ Им стал Александр Петро-

к А. П. Озерову: «5 (17) июля <1872 г.>. Среда. Böhmen. Marienbad. Sans-Souci, № 4»; подпись: «И. Гончар<ов>» (Там же. Л. 7–8 об.).

⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. С. И. Машинского. М.: Художественная литература, 1980. Т. 6. С. 453–464.

⁶ Русское обозрение. 1895. № 1. С. 5.

⁷ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–...

⁸ Волконская Мария Васильевна, княгиня (урожд. Кондрашова; 1860–1940) — писательница (литературный псевдоним — Маривз К.), публиковалась в периодических изданиях «Русский вестник», «Нива», «Неделя», «Русское обозрение», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Русское слово», «Светоч», «Новое время» (см.: Кармазинская М. А. Маривз К. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 515–516; а также: Волконская М. В., кн. Автобиография // ИРЛИ. Ф. 377 (Архив С. А. Венгерова). Оп. 7. Ед. хр. 925. Л. 5–8). Кроме публикации рукописи Гончарова, за которую М. В. Волконская получила гонорар в размере 225 руб., что следует из ее письма к А. А. Александрову от 13 августа 1894 года (РГАЛИ. Ф. 2 (Архив А. А. Александрова). Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 3), в «Русском обозрении» были напечатаны оригинальные произведения беллетристики: «Отрывки из неизданных воспоминаний. Психологический этюд» (1894. № 12. С. 626–639) и «Один из малых сих» (1895. № 4. С. 683–697).

⁹ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 1–2.

¹⁰ Волконская М., кн. От издательницы // Русское обозрение. 1895. № 1. С. 5.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 201.

вич Озеров (1817–1900) — «тайный советник, шталмейстер, состоящий при Е. И. Высоч. Велик. Княжне Марии Александровне и в ведомстве Министерства Иностранных дел <...> В службе с 1835 ноября 16-го <...> Шталмейстер 1869».¹⁴ Определение конечного получателя, к которому обращался Гончаров, оказалось более сложной задачей. Исходя из выше приведенных данных, касающихся придворной службы Озерова, логично было бы предположить, что рукопись Гончарова предназначалась для прочтения единственной дочерью Александра II¹⁵ — великой княжной Марией Александровной (1853–1920). Однако в литературе, посвященной творческой биографии Гончарова, владело мнение, что адресатом писателя могла быть сама царствующая императрица Мария Александровна. Именно на этот вариант указывали, например, такие авторитетные исследователи биографических источников, как А. Д. Алексеев и Е. Ю. Филькина.¹⁶ Версия об адресации очерка великой княжне была представлена в шестом томе Собрания сочинений Гончарова под редакцией С. И. Машинского, который был подготовлен к печати В. А. Недзвецким и Е. А. Краснощековой.¹⁷ К сожалению, и в том и в другом случае исследователи не объясняли причин, по которым было принято их решение.

Окончательное выяснение этого вопроса возможно только после обнаружения неоспоримых документальных свидетельств. Тем не менее попробуем, не имея прямых доказательств, сравнить все имеющиеся аргументы в пользу обеих версий.

Одно из основных возражений против адресации очерка великой княжне, которое обычно приходится слышать, — юный возраст и специфика женского дворянского образования в России, культивирующего наивность и несамостоятельность мышления незамужних девиц. Первостепенное внимание наставников уделялось не образованию и образованности, а нравственному воспитанию и дисциплине. Курсы русской и иностранной литературы включали в себя «очень подробно древних, духовных писателей и очень кратко новейших».¹⁸ Тем не менее в мемуарной литературе зафиксирован интерес младших детей Александра II и Марии Александровны к творчеству писателей-современников, начиная с раннего возраста. Так, например, А. А. Толстая, вспоминая перипетии своих встреч с Л. Н. Толстым в середине 1860-х годов, писала: «Он ловил меня на железных дорогах, когда я ехала в Крым с царской семьей, и даже решился однажды приехать ко мне в Ильинское, подмосковное имение покойной Императрицы. (Это было в 1866 году.)

¹⁴ Список гражданским чинам первых четырех классов. СПб., 1873. Ч. I. С. 169–170; шталмейстером высочайшего двора Озеров стал только в 1874 году, обер-гофмейстером — с февраля 1880-го (см.: *Сиверс А. А.* Родословие Озеровых. СПб., 1911. С. 92).

¹⁵ См. запись, сделанную 5 октября 1853 года в дневнике А. Ф. Тютчевой (Аксаковой), исполнявшей должность гувернантки при великой княжне в 1855–1866 годах: «Родилась маленькая великая княжна. Княгиня Салтыкова зашла ко мне около 3 часов очень взволнованная и объявила, что у цесаревны родилась дочь. Эта маленькая девочка — большая радость в императорской семье, ее очень ждали и желали, так как после великой княжны Лины, которая не дожила до семи лет, у цесаревны были только сыновья. Этой новой пришельнице предназначили имя Веры, но старая кн. Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией. Итак, назовут ее Марией...» (*Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 52–53).

¹⁶ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 201, ср.: «...1872 годом датируется автограф заметки „Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»“, переданной И. А. Гончаровым императрице Марии Александровне через шталмейстера А. П. Озерова. <...> Эпистолярный И. А. Гончарова представлен <...> его письмами за 1849–1889 гг. <...> Среди адресатов <...> шталмейстер А. П. Озеров (1872 г.), письмо к нему написано по поводу статьи И. А. Гончарова „Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»“» (*Филькина Е. Ю.* Материалы И. А. Гончарова в фондах Российского государственного архива литературы и искусства // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей. Ульяновск, 2012. С. 461–462).

¹⁷ См.: *Гончаров И. А.* Собр. соч. / Под ред. С. И. Машинского. Т. 6. С. 513.

¹⁸ *Р. Ф.* Воспоминания институтки шестидесятых годов // Русская старина. 1909. № 9. С. 484.

Вспоминаю, между прочим, как этот приезд взволновал мою воспитанницу Великую Княжну Марию Александровну и братьев ее, тогда еще маленьких Великих Князей Сергея и Павла Александровичей. Они страстно желали узреть знаменитого автора. Но будучи застенчивы, они не решались войти прямо в мою комнату и пустились на всякие хитрости, заглядывая в окна и двери, что очень забавляло и меня и Льва». ¹⁹ В 1872 году, будучи уже девятнадцатилетней девушкой (и познакомившись с романом «Обыкновенная история» ²⁰), великая княжна вполне могла заинтересоваться недавно вышедшим и наделавшим много шума романом «Обрыв».

Другим возражением является вопрос, почему Гончаров обратился с просьбой передать рукопись к Озерову, а не к выше процитированной мемуаристке Толстой, ²¹ занимавшей должность наставницы великой княжны с 1866 года ²² и представившей писателя юной принцессе еще в 1867 году (сведения об этом содержатся в письме Гончарова к Толстой от 21 апреля 1867 года, где он благодарил за состоявшуюся аудиенцию: «Будьте со мной (если можете) неприличны без рамок, даже без границ, но оставайтесь такою, какою были со мною всегда — и подарите когда-нибудь опять таким милым и добрым письмом, как сегодня! Я вижу из него, что В<еликая> К<няжна> не соскучилась в несколько великолепно подаренных мне минут — и я надолго счастлив этими минутами и ее впечатлением от них»). ²³

Объяснением причин, из-за которых Гончаров был вынужден обратиться к Озерову, могут послужить особенности придворной службы, налажавшие многочисленные ограничения на личную жизнь и свободу перемещений лиц царской свиты. Так, например, летом 1871 года, находясь за границей, писатель пытался при помощи Толстой и воспитателя великих князей Д. С. Арсеньева ²⁴ представиться Сергею и Павлу Александровичам, чтобы лично преподнести им экземпляры «Фрегата „Паллада“», но потерпел неудачу. ²⁵ Этот эпизод подробно отражен в его письмах к Толстой от

¹⁹ Толстая А. А. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом (С его письмами ко мне) // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая: Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 22 (сер. «Литературные памятники»).

²⁰ См. письмо И. А. Гончарова к А. П. Озерову от 5 (17) июля 1872 года (Русское обозрение. 1895. № 1. С. 5).

²¹ По мнению И. И. Захарьина, Гончарова и Толстую познакомил А. К. Толстой (*Захарьин И. И. Графиня А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания* // Вестник Европы. 1905. № 4. С. 619). Переписка между ними завязалась при содействии И. А. Арсеньева, в начале 1865 года передавшего графине от имени писателя экземпляр романа «Обломов», см. письмо Гончарова к Арсеньеву от 31 января 1865 года (*Суперанский М. Ф. Материалы для биографии И. А. Гончарова* // Огни. 1916. Кн. 1. С. 196).

²² Толстая состояла в должности наставницы великой княжны Марии Александровны с 1866 года до ее замужества и отъезда из России в 1874 году.

²³ Цит. по: *Гончаров И. А. Письма к А. А. Толстой. 1865–1883* / Вступ. статья, публ. и комм. В. К. Лебедева и Л. Н. Морозенко // Лит. наследство. 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 410, — с изменением редакторской конъектуры: «В<еликая> К<нягиня>» — на «В<еликая> К<няжна>». Основанием является перемена в жизни Толстой, уже перешедшей к тому времени из фрейлин великой княгини Марии Николаевны в фрейлины императрицы и наставницы великой княжны Марии Александровны: «...в течение двадцати лет <1846–1866> она жила в Мариинском дворце <...>. В начале 1866 года, попав в наставницы-воспитательницы к великой княжне Марии Александровне, она переехала в Зимний дворец, сменив при великой княжне А. Ф. Тютчеву, дочь поэта, вышедшую в это время замуж за И. С. Аксакова» (*Захарьин И. И. Графиня А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания* // Вестник Европы. 1904. № 6. С. 443–444).

²⁴ Д. С. Арсеньев (1832–1915) — «наставник великих князей Сергея и Павла Александровичей, флигель-адъютант, капитан 1 ранга» (Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должных лиц по всем управлениям Российской Империи на 1872 г.: В 2 ч. Ч. 1. С. 37).

²⁵ Переписка с Д. С. Арсеньевым за более поздние годы свидетельствует о том, что в дальнейшем представление писателя великим князьям не только состоялось, но и переросло в доброжелательные отношения. См., например, записку Арсеньева к Гончарову от 10 ноября <1884>: «Многоуважаемый Иван Александрович! Великий Князь Павел Александрович очень просит Вас пожаловать к нему кушать сегодня в 6 ½ часов. — В надежде Вас видеть к обеду придут Великие Князья Алексей Александрович, Константин и Дмитрий Константиновичи — надеюсь,

4 мая 1871 года из Петербурга, а также от 6 (18) июня и 9 (21) июля 1871 года из Киссингена и Югенгейма, где среди прочего писатель сетовал на «неуловимость» и чрезмерную занятость графини: «Вы летаете, а не путешествуете: Вам безмятежно, весело и счастливо перелетать с места на место! И дай Бог, чтоб так было всегда — в Вашем блестящем и веселом кругу! <...> трудно поспевать за Вами <...> я в маленьком отчаянии от Вашей неуловимости, Графиня, и чувствую то же, что должна чувствовать черепаха, глядя на полет орла. <...> Мне даже не дают надежды, чтобы я мог где-нибудь сделать свой туалет, в маленькой комнатке, чтобы явиться на минутку к Вам и также к г. Арсеньеву, чтобы просить его хотя заочно представить мои книги В<еликим> князьям, если б не нашлось случая представиться с ними самому».²⁶

Летний сезон 1872 года императрица с дочерью безвыездно провели в Крыму, куда отправились через Одессу в специально обустроенном железнодорожном составе в середине марта,²⁷ и вернулись в Петербург только в конце ноября.²⁸ Толстая, без сомнения, сопровождала своей воспитаннице на протяжении всего путешествия. В это же время Озеров, задержавшийся в Петербурге до отбытия в Ливадию великих князей Сергея и Павла Александровичей, выехавших из столицы 14 (26) июля 1872 года,²⁹ был, по-видимому, более доступен для почтовых сообщений.

Тем же обстоятельством можно объяснить и наличие сразу двух писем, связанных с отправкой рукописи. — В высланном в Одессу письме-уведомлении от 5 (17) июля 1872 года (обычно публикуемом при тексте «Намерений...») Гончаров сообщал еще об одном, не дошедшем до нас послании к Озерову в Зимний дворец. Именно с этой почтой им была отправлена рукопись очерка: «Вчера я послал отсюда <из Мариенбада. — Н. К.> в Петербург письмо, адресуя его в Зимний Дворец, на Ваше имя, для отправления в Ливадию, о чем не лишним считаю довести до Вашего сведения другим путем — и именно прямо отсюда через Одессу, не зная который путь вернее и поспешнее.

К тому письму я приложил и замечания мои об „Обрыве“, на случай, если б и этот роман, как Вы польстили меня счастливою надеждою, был удостоен той же чести, как

что Вы не произведете столь много Августейших разочарований и напротив как всегда своим присутствием очаруете своих Августейших приятелей. Искренне Вас почитающий пок<орный> слуга Д. Арсеньев» (ИРЛИ. Ф. 134 (Архив А. Ф. Кони). Оп. 8. Ед. хр. 18. Л. 3–4). По ходатайству Арсеньева оплата за обучение воспитанницы писателя А. К. Трейгута в Ивановском девичьем училище в 1881–1887 годах производилась из личных сумм великих князей Сергея и Павла Александровичей — см. письмо Гончарова к Арсеньеву от 23 мая 1886 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 90. Л. 1–2).

²⁶ Гончаров И. А. Письма к А. А. Толстой. С. 413–414. Ср. с упоминанием сходной ситуации в письме Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 24 мая 1872 года: «Завтра, к сожалению моему, я — не только у Вас, почтеннейший Михайло Матвеевич, но вероятно и вовсе обедать не могу, а буду проводить время в разъездах по Царскосельско-Павловской железной дороге, чтобы уловить минуту повидаться с одним лицом, свободным от службы только в праздник. Сокрушаюсь, а отложить не могу» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 119).

²⁷ «14 марта, в 10 часов утра, изволила выехать из С.-Петербурга в Ливадию Ее Императорское Величество с Ее Высочеством Великою Княжною Мариною Александровною» (Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 16 (28) марта. № 75), 20 марта они объединились в Одессе с прибывшими по морю «Государем Императором, с Ее Величеством королевой Виртембергской Ольгой Николаевной и Великою Княжною Верой Константиновной», чтобы отплыть в царскую резиденцию в Ливадию «на пароходе русского общества пароходства и торговли „Ольга“» (Там же. 22 марта (3 апр.). № 81); подробное описание вагона императрицы см.: Там же. 15 (27) апр. № 104.

²⁸ Правительственный вестник. 1872. 24 нояб. (6 дек.). № 279.

²⁹ «14-го сего июля, в 7 часов веч<ера> Их Императорские Высочества Великие Князья Сергей и Павел Александровичи изволили отправиться из С.-Петербурга в Ливадию» (Там же. 16 (28) июля. № 167). Прибытие великих князей в Крым было приурочено ко дню рождения матери (27 июля/8 августа), см.: «Вчера, по случаю дня рождения Государыни Императрицы, Их Величества и Их Высочества изволили слушать литургию в дворцовой церкви. Вечером в Ливадии для публики было гуляние с иллюминацией и фейерверком. Здоровье Государыни Императрицы, благодаря Бога, вполне удовлетворительно» (Там же. 30 июля (11 авг.). № 179).

и „Обыкновенная история“». ³⁰ Несмотря на сложный международный маршрут, рукопись достигла своего почтового адресата. Вопрос о том, дошла ли она до конечного получателя (учитывая, что письмо и белой автограф очерка остались в личном распоряжении Озерова), остается открытым.

Из переписки Гончарова с Толстой за более поздний период (середина 1870-х — начало 1880-х годов) можно узнать, что личное знакомство с великой княжной (в дальнейшем — ее императорское и королевское высочество великая княгиня герцогиня Эдинбургская) ³¹ продолжалось в виде заочного общения. Мария Александровна регулярно получала в подарок от Гончарова не только издания с его новыми произведениями («Складчина», ³² «Литературный вечер» ³³), но и богато иллюстрированные сборники русской поэзии ³⁴ и сказок. ³⁵

³⁰ Русское обозрение. 1895. № 1. С. 5.

³¹ Супруг — Альфред Эрнест Альберт, герцог Эдинбургский, с 1893 года герцог Саксен-Кобург-Готский, второй сын королевы Великобритании и Ирландии Виктории.

³² См. письма Гончарова к Толстой от 14 апреля 1874 года и 20 января 1876 года из Петербурга (Гончаров И. А. Письма к А. А. Толстой. С. 414, 417).

³³ «...вместе с этим письмом (если мне не посчастливится застать Вас самих дома) приношу к Вам два экземпляра моего очерка, Графиня: один — для Вас самих, а другой — для препровождения (Вы, вероятно, уже догадались — кому) Ее Высочеству Великой Княгини Марии Александровне Герцогине Эдинбургской. Я привык делать это приношение через Ваши добрые руки — и теперь, если позволите, сделаю так же. <...> Я даже не знаю хорошо, в Канне ли находится теперь Великая Княгиня?» (Там же. С. 428; письмо Гончарова к Толстой от 1 января 1880 года). В ответном письме от 1 июня Толстая сообщала: «Но что я не забыла, хотя и поздно передаю вам, это благодарность В<еликой> Княгини М<арии> А<лександровны> за „Литературный вечер“. И она и даже больная наша императрица прочли его с большим удовольствием» (Там же).

³⁴ См. письмо Гончарова к Толстой от 29 января 1876 года: «Вы передали мне, Графиня, в прошлом году, что Е<е> И<мператорское> В<ысочество> Мария Александровна благосклонно приняла представленную мною „Складчину“ — и этим Вы сотворили мне великое удовольствие.

Не можете ли Вы мне сделать то же самое и теперь с „Братской помощью“ в пользу Славян, т. е. представить и ее в прилагаемом экземпляре, Ее Высочеству?

В книге нет моего имени, следовательно я беру смелость напоминать не о себе, а о русской литературе — и этим, по-своему, как могу, удовлетворяю собственному чувству признательности за личное, оказанное мне драгоценное внимание. Я искал бы лучшего права — делать это постоянно, т. е. представлять лучшие русские книги Ее Высочеству, по мере появления их, но знаю, что встретил бы в этом деле более меня счастливых конкурентов. <...> К сожалению, книга не изящно издана (в пользу страждущих: этим можно извинить) — и ее почти совестно положить рядом с английскими книгами.

Но чтобы представить русские образцы, достойные соперничать с иностранными изданиями, я решаюсь приложить к „Братской помощи“ два новые издания: „Родные отголоски“ и „Жемчужины русской поэзии“.

Книги, роскошнее „Отголосков“, по-русски издано не было. Бумага, печать — великолепны, а картинки художественны и принадлежат русскому артисту.

В ней помещены выбранные из лучших авторов (Кольцова, Майкова, Некрасова, Никитина) народные стихотворения — „для юношества“, сказано в заглавии — не знаю почему? Это сельская поэзия: русские идиллии, эклоги и пасторали для всех возрастов! <...> „Жемчужины русской поэзии“ — изящный (genre Elzevir) сборник стихотворений из всех почти русских поэтов, начиная с Жуковского, Пушкина — и до новейших.

Если все эти три голубые книги могут, через доброе Ваше посредство, Графиня, достигнуть желаемого мною назначения и послужить слабым выражением моей благодарной памяти, я буду опять Вам много обязан» (Там же. С. 417–418).

³⁵ В письме от 12 июня 1878 года Толстая спрашивала у Гончарова: «...передала ли вам Ек<атерина> Ник<олаевна> <Шостак. — Н. К.> благодарность Великой Княгини за вашу книжку. Тогда она была выражена письменно, а теперь изустно и еще более сердечно. Ваша память об ней ее чрезвычайно трогает» (Там же. С. 422). В ответном письме от 21 июня вместе с очередным изъяснением признательности графине Гончаров писал: «Благодарю Вас за сообщение выпавшего мне и на этот раз на долю приветливого слова Великой Княгини, по поводу представленной мною книжечки! Екатерина Ник<олаевна> ничего не передавала мне, ни словесно, ни письменно, чем лишила меня большого удовольствия. <...> Я верю, что Ее В<ысочеству> не неприятно и самое слабое напоминание о России и из России, даже со стороны самого слабого смертного, как — например — я: и оттого я и решаюсь, время от времени, через Ваше доброе содействие, напоминать ей о русской литературе, и о русском слове вообще» (Там же. С. 421).

Доводов в пользу того, что очерк «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» был послан Гончаровым для прочтения императрицей Марией Александровной, намного меньше. Из эпистолярного наследия писателя можно привести только одно письмо, в котором отражено его преклонение перед первой женщиной государства и нереализованное желание быть лично представленным Ее Величеству.³⁶ Это письмо к М. М. Стасюлевичу от 30 мая (11 июня) 1868 года из Берлина, где романист, взволнованный предстоящим прибытием царицы в Киссинген, делился своей мечтой посвятить еще не дописанный роман «Обрыв» государыне-императрице: «...авось мне можно затеряться в толпе — и оттуда украдкой поглядеть на эту первую русскую женщину, и по месту, и по многому другому — как мы с Вами знаем. Вы больше, я мало³⁷ — потому что Вы позднее меня занимались с Н<иколаем> А<лександровичем>... и знаете больше.³⁸

Сочинение мое, которое Вы теперь знаете не по одним только тетрадам, но и по новой программе — должно носить посвящение (Вы угадываете, конечно, какое) — *русским женщинам*, стало быть и ей первой».³⁹

Нет свидетельств о том, что Мария Александровна следила за творчеством Гончарова (если не считать проскользнувшего в письме Толстой упоминания, что великая княжна читала свой экземпляр «Литературного вечера» у постели умирающей матери). Из косвенных указаний на то, что в круге чтения Марии Александровны фигурировали и другие произведения Гончарова, можно привести только замечание одного из ее биографов: «Ни одна русская Императрица <...> не уделяла так мало времени из своей жизни на свои личные развлечения, как в Бозе почившая Императрица Мария Александровна. <...> редкие минуты отдохновения Государыня уделяла чтению особенно замечательных литературных произведений. Из таковых особенным Ее вниманием пользовались сочинения *Гончарова* и графов *Толстых* (Алексея Константиновича и Льва Николаевича)».⁴⁰

Так или иначе, небольшой критический этюд «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» занимает особое место среди допечатных источников программной статьи Гончарова «Лучше поздно, чем никогда»,⁴¹ воспринятой современниками как «литературная исповедь» писателя.⁴² В первую очередь его отличают сужение проблемного поля и упрощенный язык, что, на наш взгляд, свидетельствует о значимости «фактора адресата». Другими словами, писатель адаптировал проблематику «Обрыва»

³⁶ Возможность быть представленным Ее Императорскому Величеству и связанные с этим переживания стали своеобразным микросюжетом в переписке Гончарова с М. М. Стасюлевичем летом 1868 года (подробнее об этом см.: *Бишицки В.* «Ах, этот фрак!.. зачем он едет ко мне...»: Лето Германии в путевых письмах Гончарова к Стасюлевичам за 1868 и 1869 гг. // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина. СПб.; Тверь, 2015. С. 296–302).

³⁷ С декабря 1857 по июнь 1858 года Гончаров давал уроки русского языка и словесности наследнику престола, великому князю цесаревичу Николаю Александровичу (подробнее об этом см.: *Балакин А. Ю.* Гончаров — учитель царских детей // Балакин А. Ю. Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М., 2018. С. 181–195).

³⁸ Стасюлевич «был приглашен к чтению лекций по средней и новой истории» для цесаревича Николая Александровича с 1860 по 1862 год (*Глинский Б. Б.* На общественной службе (50-летие научно-литературной деятельности М. М. Стасюлевича) // Глинский Б. Б. Очерки русского прогресса. Статьи исторические, по общественным вопросам и критико-биографические. СПб., 1900. С. 191).

³⁹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 10.

⁴⁰ *Каратыгин П. П.* Императрица Мария Александровна: 1824–1880 // Русская старина. 1881. Май. С. 119.

⁴¹ *Гончаров И. А.* Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Русская речь. 1879. № 6. С. 285–332; перепечатана в изд.: *Гончаров И. А.* Четыре очерка. СПб., 1881. С. 221–293; и в составе прижизненных Собраний сочинений писателя 1884 и 1886 годов.

⁴² *Данилевский Г. П.* Литературная исповедь И. А. Гончарова // Голос. 1879. 13 июля. № 192. С. 1–2, а также: *Ростислав* [Толстой Ф. М.]. Несколько слов по поводу статьи, озаглавленной «Литературная исповедь И. А. Гончарова» // Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 3 авг. № 211. С. 1–2; *Воборыкин П. Д.* Творец Обломова: Из личных воспоминаний // Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Пиксанов. Л., 1969. С. 141 (сер. «Литературные мемуары»).

в соответствии с запросами и возможностями юной русской княжны, еще не оторвавшейся от школьной методики в преподавании эстетики и словесности (или ее матери — иностранки, нуждающейся в упрощенном изложении художественного замысла). Коммуникативные задачи текста решались в единстве взаимодействия логических построений и эмоционального воздействия. — Ход мысли был последовательно выстроен от общего к частному, содержательно-тематическое членение очерка имело явно выраженную трехчастную структуру (приблизительно совпадающую с авторской пагинацией А–В–С), рассуждения демонстрировали несвойственную Гончарову лаконичность, на первый план выдвигались дидактические цели романа.

При сопоставлении очерка с «Предисловием» к отдельному изданию романа «Обрыв» (1870) поражала разнонаправленность оправдательного пафоса статей, написанных на общую тему. Если в подготовленном к печати, но так и не опубликованном при жизни Гончарова «Предисловии» центральный конфликт произведения рассматривался как идеологическое столкновение поколений, а противостояние двух личностей, за каждой из которых стоит своя «правда», интерпретировалось на фоне широких философских и исторических обобщений, то основной акцент в очерке «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» ставился на драме, разыгравшейся в жизни главной героини, а трактовка не выходила за границы психологического анализа страсти и нравственной ответственности полов в отношении друг к другу.⁴³ При этом поучительности идеи выдвигалась в один ряд с верностью изображения: «Нередко слышишь упреки: зачем художник избирает такие сюжеты, как, например, болезни-страсти, их уродливости, безобразные явления, и такие лица, как Вера, Бабушка, с их падениями, и, наконец («quelle horreur!»), жена Козлова и Марина? <...> Как скоро допустим, что на искусстве лежит серьезный долг — смягчать и улучшать человека, то мы должны допустить, что прежде всего, оно должно представлять ему нелестное зеркало его глупостей, уродливостей, страстей, со всеми последствиями, словом — осветить все глубины жизни, обнажить ее скрытые основы и весь механизм, — тогда с сознанием явится и знание, как остерегаться».⁴⁴

Для переписки Гончарова конца 1860–1870-х годов характерны жалобы на многочисленных врагов, плетущих вокруг него интриги и заговоры, тайно следящих за ним, выведывающих его литературные замыслы, мистифицирующих, разыгрывающих с ним сцены из его же романов — словом, всячески стремящихся нарушить его покой и помешать его творчеству. Отмечая глубинную взаимосвязь неприятия «Обрыва» современниками с возросшей публицистической активностью романиста, Е. А. Краснощекова пишет: «70–80-е годы — период осмысления и оценки Гончаровым собственного пути в искусстве. Писатель раздумывал над судьбой своих романов и находил, что она несправедлива. <...> Поэтому закономерно, что в статьях и заметках Гончарова 70–80-х годов обсуждаются проблемы восприятия того или иного произведения искусства читателями (зрителями) и критикой. Эти проблемы остаются центральными не только при обращении Гончарова к собственным сочинениям <...>, но и когда он рассматривает произведения Шекспира, Грибоедова, Островского, Крамского <...>. Трагический мотив непонятости произведения читателем (зрителем) довольно явственно звучит в критическом наследии Гончарова».⁴⁵

В какой-то момент писатель приходит к убеждению, что развернутая против него литературная травля имеет организованный характер и исходит не только от пред-

⁴³ Ср.: «Прежде всего я сосредоточился на Вере, на образе ее честной, женской любви, обратившейся по несчастным обстоятельствам в гибельную страсть. Меня увлекали проявления страсти в чистой и гордой натуре женщины и борьба ее с нею. Вообще меня всюду поражал процесс разнообразного проявления страсти, то есть любви, который, что бы ни говорили, имеет громадное влияние на судьбу — и людей и людских дел. Я наблюдал игру этой страсти всюду, где видел ее признаки, и всегда порывался изобразить их, может быть, потому, что игра страстей дает художнику богатый материал живых эффектов, драматических положений, и сообщает больше жизни его созданиям. Работая над серьезной и пылкой страстью Веры, я невольно расшевелил и исчерпал в романе почти все образы страстей» (*Гончаров И. А. Собр. соч. / Под ред. С. И. Машинского. Т. 6. С. 453–454*).

⁴⁴ Там же. С. 455, 457.

⁴⁵ Краснощекова Е. А. Критическое наследие Гончарова // И. А. Гончаров — критик. М., 1981. С. 5–6 (сер. «Библиотека русской критики»).

ставителей леворадикальной журналистики, озлобленных его многолетней цензурской деятельностью, но и из консервативного лагеря. А точнее — из служебно-административных кулуаров Министерства внутренних дел, где за ним начата полицейская слежка по подозрению в сочувствии к «красным».⁴⁶ Оставляя в стороне обоснованность этих опасений,⁴⁷ можно констатировать, что небольшой критический этюд Гончарова, известный под заглавием «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“», являлся попыткой писателя донести свою литературную и политическую позицию до сведения членов царской семьи в надежде на их покровительство и защиту. И из двух возможных адресатов письма более вероятным представляется обращение писателя к великой княжне Марии Александровне.

⁴⁶ См., например, ретроспективную интерпретацию общественно-политической ситуации, возникшей вокруг романа «Обрыв», в письме Гончарова к П. А. Валуеву от 27 декабря 1877 года: «Не знаю, кому нужно было, чтобы я не писал, но для помехи мне, кажется, как я сообразил по многим наблюдениям впоследствии, кто-то ловко, под рукой, создал мне репутацию чуть не „красного“, или что-то в этом роде. Этого только не доставало.

И вот тогда уже образовалась *une meute de limières* (свора ищеек (*фр.*) — *Н. К.*) или шайка *dupes* (обманщиков (*фр.*) — *Н. К.*), чтобы подслушивать мои мысли, ловить слова. И други, и недруги — обоего пола — все совали мне свои носы в рот, чтобы узнать, не пьяница ли я? Но как я вина не пью, то и запаха быть не могло. Но кто помешал бы этим ищейкам приписать мне тот или другой запах и цвет, по желанию? Очных ставок не делали и меня не спрашивали!

Еще нынешнем летом приходил нарочно для меня в Летний сад один всесветный *blagueur* (шутник, балагур (*фр.*) — *Н. К.*) и лгун (всюду, однако, принимаемый) и наедине говорил дерзости о том, что все чтут, стараясь вызвать меня на ответ. Кроме презрительного молчания, конечно, он ничего не получил, но он не задумается вложить в мои уста ответ, какой окажется для него выгоднее, зная, что меня не спросит тот, кто употребляет эту жалкую личность.

В прошлом году явился ко мне какой-то незнакомый мне, очевидно подосланный молодой человек, назвавшийся, кажется, Кузьминым, с вопросом: „Что я думаю о революции в России?“, потом повторивший этот вопрос письменно.

Один военный генерал настойчиво допытывался моего мнения о „представительном правлении у нас“!

Я взял несколько примеров, какие запомнил из множества других, повторявшихся на каждом шагу. Один дошел до Геркулесовых столбов в этих допросах: он таинственно спросил меня, „не разумел ли я, создавая тип Обломова“... кого? <...> Я не мог не заключить, что все эти пытанья делаются не из одного только бесцельного любопытства или удовольствия докучать мне, но что стараются добиться правды в этом тумане лжи, которой кто-то чудовищно опутал меня для своих целей! И конечно, правды не добились этими полицейскими приемами, от которых всегда ускользнет нечто в человеке: это его душа.

Наблюдая пристальнее, я замечал потом, что и мое обломовское домоседство, и уклонение от света, особенно большого, к которому я ни по рождению, ни по материальным моим средствам принадлежать не могу, наконец, самая скромность моя и вечные сомнения в своих силах, нервозность темперамента, загонявшая меня в угол, все это истолковано было ложно и подведено тоже под какую-то „красноту“.

Тогда как я, в простоте души, думал, что если я, живя мирно в своем углу, делаю свое скромное, природным дарованием указанное мне дело — то я и прав, и никто мне не помешает!

Наконец, если 30 или 40 лет моей жизни здесь в Петербурге мало было, чтоб знать мой образ мыслей, симпатии, антипатии и вообще направление, то всего вернее было бы обратиться к моим печатным сочинениям, но не с полицией, а с критикой, которая одна безошибочно и обнаружила бы, кому и чему принадлежит мой сочувствия» (*Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. С. 320–322*). П. А. Валуев (1815–1890) — начальник Гончарова, занимавший пост министра внутренних дел в годы службы писателя главным редактором газеты «Северная почта» и членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, затем Совета Главного управления по делам печати (1862–1868). В 1877 году Валуев исполнял должность министра государственных имуществ.

⁴⁷ См., например, неодобрительный отзыв о повышенной мнительности автора романа «Обрыв» в письме А. К. Толстого к Стасюлевичу от 18 апреля 1869 года (который разделяло большинство знакомых из близкого окружения писателя): «От Гончарова я получил очень милое письмо, но отвечал грубостями за то, что он предполагает против себя какой-то разговор в публике, систематически учрежденное над ним шпионство и таинственное мщение неизвестных, но очень влиятельных лиц» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 2. С. 329).